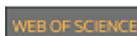

Димитриева О. А. Художественная интерпретация концепта винопитие в серии детективных романов Бориса Акунина «Приключения Эраста Фандорина» / О. А. Димитриева // Научный диалог. — 2019. — № 9. — С. 56—72. — DOI: 10.24224/2227-1295-2019-9-56-72.

Dimitrieva, O. A. (2019). Artistic Interpretation of the Concept of WINE DRINKING in a Series of Detective Novels by Boris Akunin “The Adventures of Erast Fandorin”. *Nauchnyi dialog*, 9: 56-72. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-9-56-72. (In Russ.).

УДК 811.161.1'42+811.161.1'37:392.86+ 821.161.1Акунин.07

DOI: 10.24224/2227-1295-2019-9-56-72

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ КОНЦЕПТА ВИНОПИТИЕ В СЕРИИ ДЕТЕКТИВНЫХ РОМАНОВ БОРИСА АКУНИНА «ПРИКЛЮЧЕНИЯ ЭРАСТА ФАНДОРИНА»

© Димитриева Ольга Альбертовна (2019), orcid.org/0000-0003-2734-640X, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник научно-исследовательского института этнопедагогике имени академика РАО Г. Н. Волкова, Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева (Чебоксары, Россия), olgaal_79@mail.ru.

Рассматриваются особенности репрезентации концепта ВИНОПИТИЕ в художественной версии Бориса Акунина на примере цикла детективных рассказов «Приключения Эраста Фандорина». Работа является продолжением исследований автора в области художественной интерпретации вакхического дискурса различными писателями. Отмечается связь создания вакхического художественного образа с типом культуры (социологическим и эвдемоническим). В числе художественных черт творчества Акунина автор статьи указывает описание преступлений, которые совершались с «изысканством и вкусом». Утверждается, что эта особенность влияет на выбор средств создания вакхической картины мира произведения. Отмечается, что введение элементов ситуации винопития используется Акуниным как средство воссоздания фоновой «картинки», выполняющей описательную функцию, и как сюжетомоделирующий компонент. В акунинской модели городской улицы XIX века «классический» состав персонажей включает не только «дворника», «торговку», «извозчика» и др., но и «пьяного обывателя». Описана «модель персонажа», включающая набор его характеристик, который можно назвать «картотекой» его слабостей, привычек. Среди элементов этой «картотеки» отмечено присутствие склонности к винопитию, являющейся уязвимым местом персонажа. В состав компонентов-черт персонажа включены такие, как внешний вид (лицо, глаза, вес), ольфакторная характеристика (запах как маркер социального статуса или национальной идентичности), речь (голос, его тембр, регистр и манеры), сорт вина как визитная карточка героя, его слабостей и привычек.

Ключевые слова: Б. Акунин; массовая литература; концептуализация; категоризация; вакхический дискурс; культура питья; национальный характер; менталитет; русская языковая картина мира.

1. Вводные замечания

Изучение художественного концепта связано прежде всего с интерпретацией, с одной стороны, общепринятых установок, бытующих в обществе на данном историко-культурном этапе развития, с другой стороны, индивидуально-авторского мировидения, связанного с восприятием писателем окружающей действительности, ее пониманием и осмыслением. «Концепт не непосредственно возникает из значения слова, — пишет Д. С. Лихачев, — а является результатом столкновения словарного значения слова с личным и народным опытом человека» [Лихачев, 1999, с. 151]. Распространенные стереотипы и образцы поведения в обществе обусловлены типом культуры. О. Н. Кондратьева пишет о влиянии на мировидение (в частности, метафорическое) двух основных типов культуры, а именно: сотериологического и эвдемонического. Первый, как правило, «ориентирован на духовные ценности, детерминирован идеями искупления и спасения, приобщения к Богу и обретения жизни вечной», а второй — «основывается на стремлении к счастью, к удовольствиям жизни» и связан с рационалистическим мировоззрением [Кондратьева, 2014, с. 15]. Не вызывает сомнения сотериологическая интерпретация концепта ВИНОПИТИЕ Ф. М. Достоевским (вспомним речь Мармеладова о Христе из «Преступления и наказания»: *И скажет: «Прииди! Я уже простил тебя раз ... Простил тебя раз ... Прощаются же и теперь грехи твои мнози, за то, что возлюбила много ...» И простит мою Соню <...> И когда уже кончит над всеми, тогда возглаголет и нам: «Выходите, скажет, и вы! Выходите, пьяненькие, выходите, слабенькие, выходите, соромники» [Достоевский, 1993, с. 18]) или эвдемоническая — у большинства авторов XX—XXI вв. (например, у В. Пелевина). Расширение научных знаний, технических возможностей вносит свои изменения и в способ репрезентации ситуации винопития (см. трансфер медицинских / псевдомедицинских понятий в вакхическую сферу в ироническом детективе Дарьи Донцовой [Димитриева, 2018в]).*

Изучение организации структуры художественного концепта включает два основных типа его описания: полевой и фреймовый. З. Д. Попова, И. А. Стернин отмечают, что полевая организация концепта состоит из ядра (часто одноименного с рассматриваемым концептом, так называемое «ключевое слово-репрезентант»), приядерной зоны (или ближней пе-

риферии), дальней периферии и крайней периферии [Попова и др., 2009]. В качестве примера рассмотрения такой структуры индивидуально-авторского концепта приведем работу Г. Е. Махановой, посвященную изучению концепта СКУКА в текстах А. П. Чехова [Маханова, 2016]. Фреймовая организация представляется как совокупность субфреймов, которые в свою очередь дробятся на слоты (например, фрейм «Выпивка» состоит из четырех субфреймов «Участники ситуации», «Социокультурная значимость», «Особенности употребления» и «Напитки» [Глушкова, 2009, с. 237]) или фрейм-элементы (подробно о когнитивных структурах в концептосфере художественного текста см. [Огнева, 2013]).

Важен и способ представления концепта. На наш взгляд, он может быть экстравертированным: в том смысле, что акцент делается на внешних культурных, социальных особенностях, обрядовых и жестовых характеристиках (например, Н. С. Лесков часто указывает на национальную принадлежность героя, тип его вероисповедания и связанные с этим поступки); или интровертированным — здесь значимым становится рефлексия героя, осмысливается психическое и физиологическое состояние (например, описание последовательности этапов алкогольного опьянения Ивана Ильича Пралинского из «Скверного анекдота» Ф. М. Достоевского, похмельное утро Степы Лиходеева в «Мастере и Маргарите» М. Булгакова и мн. др.).

Аксиологическая составляющая апеллирует к системе ценностей автора. В пространстве художественного текста концепт ВИНОПИТИЕ прежде всего соотносится с положительным или отрицательным полюсами оценочной шкалы, значимыми становятся этические нормы, а также сенсорные оценки (визуальные, ольфакторные, тактильные и др.). Многомерность концепта позволяет ему соотноситься с другими значимыми в оценочном плане концептами или компонентами художественного образа произведения. Концепт ВИНОПИТИЕ, в частности, пересекается с концептами ГРЕХ в прозе Л. Н. Толстого [Ломакина, 2018], ДРУЖБА и ПИРШЕСТВО в произведениях А. С. Пушкина [Бойченко, 2009] или является частью ольфакторной картины мира произведения [Зыховская, 2015, 2016].

Введение ситуации винопития в художественный мир произведения может выполнять различные функции: во-первых, воссоздавать фоновую «картинку», выполняющую описательную функцию; во-вторых, являясь сюжетомоделирующим компонентом, обуславливающим ход дальнейшего повествования. Отдельные элементы ситуации имеют характер базовых, ключевых, репрезентирующих авторский идиостиль (в идио-

гlossарий Ф. М. Достоевского входят следующие вакхические идиоглоссы: *пьющий, пьяненький, пьяный, пьянство, пьяница* [Ружицкий, 2015, с. 426]. В связи с этим представляется важным описание доминантных языковых средств (не в смысле наиболее частотных, а значимых, характерных для автора). Так, в произведениях Ф. М. Достоевского особое место занимают вакхические прилагательные *пьяный (пьян), пьяненький, полупьяный; хмельной (хмелен); вакхический, военно-вакхический, вакхичен; трезвый (почти трезв / тверез)* (подробнее см. [Димитриева, 2018б]); в произведениях Н. С. Лескова часто иронически обыгрываются наименования спиртных напитков (*лампоно, разговорец, добавочная ординария, клюко* и т. п.); приведем пример из его рассказа «Полунощники»: *Марья Амуровна, — говорит, — в акушерках состоит только для принадлежности звания, а она живет в свое удовольствие; поедем с ней в отель «Лангетер» и будем без всего дурного антруи **клюко пить**, и она будет одна танцевать* [Лесков, 1958, т. 9, с. 160]. Здесь *клюко* — номинация, созданная в результате языковой игры: искажено наименование сорта французского шампанского *кликко* посредством наложения корня русского глагола *клюкнуть*.

Массовая литература, по замечанию В. В. Химика, является «сферой для преднамеренного снижения», «движением от “идеала”» [Химик, 2000, с. 243], и, как следствие, авторы используют многочисленные языковые средства сниженной (часто уничижительной) оценочности [Димитриева 2018а, 2018в]. Метафорическое моделирование внутреннего состояния героя является одним из способов концептуализации винопития в художественном мире В. Пелевина. Например, в отрывке из «Трех цукербринов» акциональный ряд *заколачивать дыру, шпаклевать, лакировать, строить* репрезентирует последовательность изменения состояния героя посредством артефактной («строительной») метафоры: *Все было не так уж страшно. В холодильнике оставался «Гиннесс», и много. А в шкафу имела аварийная бутылка «Блэк Лэйбла». Облегчившись, Кеша прошел на кухню, открыл сразу несколько «Гиннессов» и налил темную жидкость в пинтовую колбу классической формы. **Ухаживая** за первой колбой, он совсем ни о чем не думал. Он как бы **заколачивал** черную сосущую **дыру** в солнечном сплетении. Вторая колба была уже **косметической**: она **шпаклевала** и **лакировала** наложенную на **дыру** заплату. В результате появилось что-то вроде **фундамента**, на котором можно было **строить** новый день — и Кеша позволил себе пару осторожных мыслей* [Пелевин, 2014]. Необходимо также отметить, что значимой особенностью произведений массовой литературы является упоминание реалий современно-

го мира (в примере из В. Пелевина — наименования спиртных напитков: «Блэк Лэйбл», «Гиннес»).

Таким образом, в результате индивидуально-авторской реализации концепта значимыми представляются оппозиции «универсальное — национально-культурное», «общепринятое — индивидуально-авторское», «языковое — дискурсивное».

2. Проект Б. Акунина «Приключения Эраста Фандорина» как «сложносочиненная стилизация»

Предметом анализа в данной статье является вербализация основных вакхических стереотипов и представлений, осложненных временным параметром, в серии исторических детективов Б. Акунина «Приключения Эраста Фандорина». Осложненность временной составляющей связана с тем, что детективы такого типа принято относить к так называемым «ретро-детективам», или жанру «фольк-хистори» [Мясников, 2002], так как произведение является современной интерпретацией прошлых событий.

М. А. Черняк отмечает «разнообразие структурной матрицы отечественного детектива», здесь происходит «наибольшее смещение жанров массовой литературы (это своеобразный синтез любовного, бытового и приключенческого романа с элементами детектива)» [Черняк, 2005, с. 180—181]. Н. Волкова, в частности, пишет о многослойности романов Б. Акунина, о традиционно выделяемых двух основных слоях: «детективно-приключенческом фабульном» и «аллюзийно-цитатном литературном» [Volkova, 2007, с. 99]. Из этого следует сделать вывод, что некоторые аспекты осмысления Б. Акуниным ситуации винопития будут пересекаться с ее интерпретацией авторами XIX века, другие — с современным пониманием.

Отдельно отметим, что на обложках книг фандоринского цикла представлено посвящение автора, которое гласит: *Памяти XIX столетия, когда литература была великой, вера в прогресс безграничной, а преступления совершались и раскрывались с изяществом и вкусом.* Авторская интенция — описывать преступления, совершенные «с изяществом и вкусом», — отражается на выборе языковых средств, в том числе и в воссоздании вакхической картины мира произведения.

3. Питье спиртного как «визитная карточка» персонажа

Моделирование улицы в произведении, обозначение основных ее компонентов, таких, например, как расстановка, расположение типичных обывателей и совершение ими своих повседневных действий, использует-

ся автором как возможность или «почва» для проведения расследования / совершения преступления: *Дом на Поварской обложили еще с половины седьмого. В первом, ближнем кольце оцепления было пятеро агентов: один, в белом фартуке, соскребал снег у самых дверей одноэтажного дома за номером двадцать восемь; трое, самые щуплые и низкорослые, избражая подростков, лепили снежную крепость во дворе; еще двое чинили газовый фонарь на углу Борисоглебского переулка. Второе кольцо, из одиннадцати филеров, расположилось в радиусе ста шагов: трое «извозчиков», «городовой», «шарманщик», двое «пьяных», четверо «дворников» [Статский советник, с. 79]. Модель улицы XIX века в свой «классический» состав наряду с представителями той или иной профессии, такими как дворник, торговка, извозчик и т. п., обязательно включает пьяного обывателя (подробнее см. [Димитриева, 2019]).*

Модель-характеристика персонажа — «картотека» его слабостей, привычек, в которой обозначается склонность к винопитию, являющаяся уязвимым местом персонажа. В состав компонентов-характеристик персонажа входят следующие:

1. Внешний вид, описание которого включает в себя как переменные признаки, так и постоянные. К первым относится изображение глаз, причем оно может быть диаметрально противоположным в плане как цвета (*белый — красный*), так и ясности (*прозрачный — мутный*): *Официанты в два счета унесли грязную скатерть, застелили новую, и через минуту за освободившимся столом уже сидел сильно подгулявший чиновник с белесыми, почти прозрачными (должно быть, от пьянства) глазами <...> За соседним столиком залиvisto расхохоталась девица в красных чулках — белоглазый что-то нащепывал ей на ухо [Азазель, с. 63—65]; В первый же день плавания на корвете «Мстислав», как только вышли из Севастополя, Эндлунг подстерег меня на палубе, положил руку на плечо и сказал, глядя наглыми, совершенно прозрачными от выпитого при проводах вина глазами [Коронация, с. 11]. В данных примерах прослеживается индивидуально-авторское восприятие глаз пьющего человека, репрезентированное посредством прилагательных цветовой семантики ‘белый’ (*белесый, белоглазый*) или семантики ‘отсутствие какого-либо цвета’ (*прозрачный* в сочетании с наречиями меры и степени, значение которых эксплицирует компонент ‘полностью’: *почти, совершенно*). Объяснение дается с помощью словоформы в родительном падеже со значением причины (*от пьянства; от выпитого вина*).*

Рассмотрим примеры, в которых актуализируются постоянные признаки: *Ахтырцев выпил еще, глаза под пенсне у него были красные*

и мутные [Азазель, с. 69]; *Из туалета купчина вышел явно посвежевший. Сопровождаемый метрдомом, вошел в залу. Обвел мутным взглядом столы с невозможной белизны скатертями, сплошь в сиянии серебра и хрусталя* [Смерть Ахиллеса, с. 85]; *От шампанского взгляд певички не прояснился, а напротив стал грустным* [Там же, с. 289]. Характеристика глаз или их выражения (*взгляд*) у пьяного человека вербализуется прилагательными *красный, мутный*, глаголом с семантикой изменения состояния, постепенного приобретения признака *проясниться* с частицей *не*.

Приведем также пример фандоринского аналитического метода при оценивании внешности незнакомца, в том числе его глаз: *Умен, желчного склада, склонён к насмешливости, отличный профессионал. Что ещё? Имеет вредные привычки. Круги под глазами и желтый оттенок кожи свидетельствуют о нездоровой печени* [Алмазная колесница, с. 202].

К переменным признакам также относятся характеристики лица: (1) *Когда Варя с Гриневым вошли, все как раз грянули «ура», подняв кружки и обернувшись к столу, за которым сидел командир. Знаменитый белый китель генерала резко контрастировал с черными армейскими и серыми казачьими мундирами. Кроме самого Соболева за почетным столом сидели старшие военачальники (из них Варя знала только Перепелкина) и д'Эвре. Лица у всех были веселые, раскрасневшиеся — кажется, праздновали уже давно* [Турецкий гамбит, с. 186]; (2) *В основном господа приличного и даже благообразного вида, хоть и вовсе не старые — лет около тридцати или, может, немногим больше. Лица разгоряченные, раскрасневшиеся от вина, а у некоторых даже несколько ошалевшие — видно, что для них такое веселье в диковину* [Особые поручения, с. 248]; (3) *Несли портреты царя, иконы, хоругви. Кричали хором «Ура Россия!» Шли распаренные, краснорожие, счастливые, но при этом все равно сердитые, как будто их кто-то обидел. — Смотрите, — сказала Коломбина. — Они грубые, нетрезвые и злые, зато они патриоты и любят родину* [Любовница смерти, с. 197]; (4) *Утром в слободе снова ударил колокол, и с майдана к мосту двинулась густая толпа, многолюднее, чем накануне. Сегодня не пели. После шинкарева вина и аптечного спирта лица были мятые, но деловитые* [Статский советник, с. 52]; (5) *Захаров вышел из прозекторской в кожаном фартуке, черные перчатки перепачканы какой-то бурой слизью. Лицо опухшее, похмельное, в углу рта — потухшая трубка* [Особые поручения, с. 241]. В примерах 1—3 цвет лица персонажей характеризует текущее состояние опьянения (*раскрасневшиеся, краснорожие*) и находится в одном ряду с «температурными» проявлениями (*распаренные, разгоряченные*, ср.

с устойчивыми оборотами, в которых фиксируется «температурное» восприятие пьяного человека: *под градусом, тепленький, выпить горячительного* и т. п.) и настроением (*веселые, счастливые, ошалевшие от веселья*, ср. с внутренней формой фразеологизма *быть навеселе*). В примерах 4—5 изменение характеристик лица является результатом предыдущего состояния (*мятое, опухшее*), при этом указывается причина с временным оттенком (*после шинкарева вина и аптечного спирта*) или качественным (*похмельное*) и настроение (*деловое*). Слова с семантикой цвета, температуры, настроения впоследствии сменяются словесными маркерами качественного изменения лица.

Описание веса / телосложения является постоянным признаком, характеризующим персонажа и сопутствующим его «вакхической» характеристике, часто внешний вид становится результатом образа жизни. Рассмотрим примеры: *Хасан стал толстый, полюбил пить на веранде шампанское и философствовать. В горы за контрабандой ездить ленился — теперь знающие люди привозили ему товар сами* [Смерть Ахиллеса, с. 226]; *Камердинер — старый, обрюзгий, с сердитыми седыми бровями (Ахимас знал всю его биографию, привычки и слабости, включая пагубную предрасположенность к утреннему похмелью) — недовольно покосился на ферта в соломенной шляпе, но деликатность оценил и милостиво повернулся вполоборота* [Там же, с. 294]. Визуальная оценка (*толстый; старый, обрюзгий, с сердитыми седыми бровями*) пересекается с поведенческим аспектом характеристики персонажа (*пить шампанское, философствовать, лениться; пагубная предрасположенность к утреннему похмелью*).

Таким образом, переменные признаки в описании вакхической внешности, такие как цвет (*красный, белый* используется для характеристики как глаз, так и лица), температурная характеристика лица (*разгоряченный*), настроение, отражающееся на лице, и относительно постоянные признаки (описание телосложения) в сочетании с поведенческими чертами формируют внешний вид персонажа.

2. Запах, как отмечает Н. Л. Зыховская, описывая художественный метод И. С. Тургенева, входит в «художественное досье» героя, исходя из которого «собирается» повествование, «герои действуют по “заданным” качествам» [Зыховская, 2016, с. 321]. «Запах вина и водки, исходящий от героев, у Тургенева, — пишет Н. Л. Зыховская, — указывает либо на отчаяние (готовность спиться), либо на излишнее довольство» [Там же, с. 327]. В ольфактории Б. Акунина это может быть визитной карточкой как народа в целом (1), так и социального слоя (2): (1) *Локстон [америка-*

нец] *хоть желание и выразил, но был отвергнут. Начисто утративший японскую вежливость Асагава заявил, что от американца за миллю несет сигарным табаком и пивом, от японцев так не пахнет* [Алмазная колесница, с. 498]; (2) *Встречавшиеся по дороге работники шагали деловито, как-то не по-русски, и ни одной опухшей с похмелья физиономии* Грин не заметил, *хоть был понедельник и утро. Рассказывали, что у Лобастова за пьяный запах сразу расчет в зубы и за ворота* [Статский советник, с. 108]. В первом примере сравнивается набор запахов, характерный для американца и японца, маркированы те признаки, которые идентифицируют первого (*несет сигарным табаком и пивом*), а второму не присущи. Во втором примере имплицитно сравниваются типичный работник фабрики конца XIX века с присущим ему набором традиционных черт, описанных выше (*с опухшей с похмелья физиономией*), сопровождаемых темпорально-причинной отнесенностью (указывается время — *утро понедельника*, — что имеет объяснительную силу, почему работник должен таким образом выглядеть) с работником фабрики «умного капиталиста» Лобастого, работающего по европейскому образцу (*за пьяный запах сразу расчет в зубы и за ворота*). Так создается образ работника, который выглядит *не по-русски*.

3. Речь является одним из вакхических маркеров. Вспомним приведенное замечание И. Б. Левонтиной и А. Д. Шмелева о стереотипном представлении русского питья, куда наряду с большим количеством выпитого и закуски входит «задушевное общение» [Левонтина и др., 2002, с. 580]. Речевые глаголы, сопутствующие вакхическому образу человека, проследим на следующих примерах: (1) *Ну а Фандорин и в канцелярии сгодится. Исполнителен, пишет грамотно, языки знает, смысленный, да и в обращении приятный, не то что горький пьяница Трофимов, в прошлом месяце переведенный из писмоводителей в младшие помощники околоточного на Хитровку. Пускай там спивается, да начальству грубит* [Азель, с. 9]; (2) *В корчме не было ни одной женщины. Грязные, горластые крестьяне вели себя совсем не так, как русские мужики — те смирные и, пока не упьются, переговариваются вполголоса, а эти громко орали, пили кружками красное вино и постоянно заливались хицином* (как показалось Варе) *хохотом* [Турецкий гамбит, с. 7]; (3) *У Ларионова всякая околореволюционная дрянь собирается. Поругать власти, попеть недозволенные песни и, конечно, выпить-закусить* [Статский советник, с. 77]. В первом примере противопоставляется характеристика Фандорина характеристике горького пьяницы Трофимова с точки зрения начальства: помимо требуемых профессиональных качеств, которые выделяются только

у Фандорина (профессиональные качества Трофимова уходят на задний план, «исчезают» на фоне его постоянного пристрастия к алкоголю), акцентируется внимание на речевом поведении: первый — *приятен в общении*, второй — *грубит*. При описании Хасана из «Смерти Ахиллеса» (см. пример выше) глагол речи *философствовать* включается в сочинительное словосочетание наряду с глаголом *пить*: *полюбил пить шампанское на веранде и философствовать*. Во втором примере сравниваются речевые характеристики русских и болгарских (на турецкой территории) крестьян во время питья, эксплицируемые речевыми глаголами в сочетании с наречиями образа действия: для русских свойственно *переговариваться вполголоса*, а для болгар — *громко орать, заливаться хищным хохотом*. В третьем примере указывается на речевые действия социальной направленности *околореволюционной* группировки так же, как и в первом примере в модели сочинительного словосочетания: *поругать ... и выпить-закусить*.

Тембр вакхического голоса вербализуется отглагольным прилагательным *пропитой* (в сочетании с *сиплый, дребезжащий*) и может являться как временным параметром, так и постоянным: *Никогда еще Фандорину не доводилось бывать на печально знаменитой Хитровке после наступления сумерек. Жуткое оказалось местечко, какое-то подземное царство, где обитают не живые люди, а тени <...> Крысиная страна, подумал Эраст Петрович, прихрамывая на своих костыльках. Только крысы не поют пропитыми голосами, не орут во всю глотку, с матом и слезами, и не бормочут вслед прохожему невнятные угрозы* [Смерть Ахиллеса, с. 129]; *Сиплый, пропитой голос прогудел в самое ухо: — Велики, паря, ох велики* [Особые поручения, с. 110]; *Не глядя по сторонам, сразу направился к окну с надписью *Poste restante* и пророкотал сиплым, пропитым голосом ...* [Коронация, с. 348]; *Голос из темноты: «Па-азвольте на полштофчика». Дребезжащий, пропитой* [Особые поручения, с. 174]. Существительное *голос* сочетается с глаголами с общим значением ‘издавать низкий звук’ (*гудеть* ‘длительный протяжный низкий звук’ [СлРЯ, т. 1, с. 355—366], *рокотать* ‘издавать рокот’, ‘говорить, петь низким раскатистым голосом’ [Там же, т. 3, с. 729]), употребленными со словообразовательным формантом *про-* в значении ‘довести действие до результата’. Речевые действия персонажей характеризуются автором независимо от гендерной отнесенности по следующим параметрам: ясность тона (ее отсутствие — *сиплый, дребезжащий*), регистр (нижний — *прогудеть, пророкотать*), принадлежность (*пропитой*, то есть свойственный пьянице).

4. Профессия и ее связь со склонностью к употреблению спиртного так или иначе прослеживается в текстах Б. Акунина. С одной стороны, эта связь может входить в фонд знаний говорящего, такие высказывания пресуппозитивно обусловлены. Так, в предложении: — *Если Вечный Жених меня выберет, я тоже буду лежать вот так — голая, с остекленевшими глазами, и **пьяный сторож** прицепит мне к ноге клеенчатый номерок?* [Любовница смерти, с. 110] — главная героиня, предполагая свою будущую смерть, рисует образ своего тела, лежащего в морге, и включает в представляемую ситуацию образ пьяного сторожа. С другой стороны, пресуппозитивный образ той или иной профессии помогает создать некий образчик поведения, используя который, герои произведений часто применяют метод маскировки в своих расследованиях. В следующем примере показана модель поведения пьяных извозчиков, примененная в раскрытии преступления: *В карете имелся набор костюмов и маскировочных приспособлений на все случаи жизни. Инженер и надворный советник переоделись **ваньками и, пошатываясь, вошли в трактир**. Окинув взглядом полутемное помещение, Евстратий Павлович сделал вид, что **не может устоять на ногах** — **повалился на пол*** [Алмазная колесница, с. 116]. Помимо подражания внешнему виду извозчиков, важной становится имитация их действий в нетрезвом состоянии, которые репрезентируются глаголами с общей семантикой ‘отклонение от вертикального положения’ (*шататься, не устоять на ногах, повалиться на пол*).

5. Сорт спиртного также вводится как средство характеристики персонажа, становится его визитной карточкой, свидетельствует о пристрастии и связывается с возможностью совершения преступления, при этом пристрастие к сорту вина представлено слабостью героя. В книге «Смерть Ахиллеса» наемный убийца Ахимас использует сорт вина, который предпочитает Соболев, как необходимую деталь, чтобы совершить убийство «со вкусом»: *Ахимас перешел к графе «пристрастия». **Пьет умеренно, предпочитает «шато-икем»,** курит бразильские сигары, любит русские романсы, в особенности «Рябину» (сочинение г-на И. Сурикова).* Так-так [Смерть Ахиллеса, с. 276]. Наименование напитка входит в свою очередь в описание типичного поведения героя: *Прожил он [Момус] в захолустной губернии не неделю и не две, а целых три месяца. Ездил с визитами по соседям, каждому сумел понравиться на свой лад. С отставным майором, барсуком и грубияном, **пил ром и на медведя ходил** (вот страху-то натерпелся)* [Особые поручения, с. 27].

Таким образом, характеристики вакхического человека схематично можно представить следующим образом:

4. Выводы

Анализ характеристик персонажей из произведений Б. Акунина, посвященных Э. Фандорину, позволяет представить «модель персонажа», которого условно можно именовать вакхическим. Эта модель включает набор характерных черт героя, которые мы рассматриваем как «картотеку» его слабостей, склонностей, привычек. Выявлено, что одним из уязвимых мест ряда героев Б. Акунина является склонность к винопитию. Из составленной нами схемы их характеристик видно, что основным способом репрезентации вакхического образа является внешняя оценка героя (чаще всего визуальная, реже аудиальная и ольфакторная перцепция говорящего). Кроме того, немаловажными для создания образа вакхического персонажа становятся его социально и национально обусловленные характеристики, которые, однако, важны, главным образом с точки зрения того, как реципиент идентифицирует людей в ситуации винопития или после него, о чем свидетельствует их поведение в глазах воспринимающего персонажа. Исходя из особенностей ситуации винопития, которая описывается

и оценивается прежде всего в аспекте внешних характеристик (цвета лица, особенности речи, выражения глаз персонажей и т. д.), способ концептуализации данной ситуации можно отнести к экстравертированному типу.

Источники и принятые сокращения

1. Азазель — *Акунин Б.* Азазель / Б. Акунин. — Москва : Захаров, 2017. — 272 с.
2. Алмазная колесница — *Акунин Б.* Алмазная колесница / Б. Акунин. — Москва : Захаров, 2017. — 756 с.
3. *Достоевский Ф. М.* Преступление и наказание / Ф. М. Достоевский. — Москва : Славянка, 1993. — 335 с.
4. Коронация — *Акунин Б.* Коронация, или Последний из романов / Б. Акунин. — Москва : Захаров, 2017. — 448 с.
5. Левиафан — *Акунин Б.* «Левиафан» / Б. Акунин. — Москва : Захаров, 2015. — 266 с.
6. *Лесков Н. С.* Полуношники / Н. С. Лесков. — В книге : Лесков Н. С. Собрание сочинений : в 11 томах / Н. С. Лесков. — Том 9. — Москва : Государственное издательство художественной литературы, 1958. — С. 117—217.
7. Любовница смерти — *Акунин Б.* Любовница смерти / Б. Акунин. — Москва : Захаров, 2015. — 304 с.
8. Нефритовые четки — *Акунин Б.* Нефритовые четки / Б. Акунин. — Москва : Захаров, 2017. — 704 с.
9. Особые поручения — *Акунин Б.* Особые поручения / Б. Акунин. — Москва : Захаров, 2018. — 368 с.
10. *Пелевин В.* Любовь к трем цукербринам [Электронный ресурс] / В. Пелевин. — 2014. — Режим доступа : <https://e-libra.ru/read/546578-lyubov-k-trem-cukerbrinam.html>.
11. СЛРЯ — *Словарь* русского языка : в 4-х т. / под ред. А. П. Евгеньевой. — Москва : Русский язык ; Полиграфресурсы, 1999.
12. Смерть Ахиллеса — *Акунин Б.* Смерть Ахиллеса / Б. Акунин. — Москва : Захаров, 2014. — 364 с.
13. Статский советник — *Акунин Б.* Статский советник / Б. Акунин. — Москва : Захаров, 2012. — 352 с.
14. Турецкий гамбит — *Акунин Б.* Турецкий гамбит / Б. Акунин. — Москва : Захаров, 2018. — 240 с.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бойченко А. Г.* Питие / А. Г. Бойченко // Антология концептов / под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. — Т. 7. — Волгоград : Парадигма, 2009. — С. 223—234.
2. *Глушкова Т. С.* Винопитие / Т. С. Глушкова // Антология концептов / под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. — Т. 7. — Волгоград : Парадигма, 2009. — С. 234—244.
3. *Димитриева О. А.* Концепт *винопитие* в художественной прозе Ф. М. Достоевского / О. А. Димитриева // Фортунатовские чтения в Карелии : сборник докладов Международной научной конференции : в 2 ч. — Петрозаводск : ПетрГУ, 2018а. — Ч. 2. — С. 18—20.
4. *Димитриева О. А.* Категоризация и концептуализация ситуации *винопития* в ироническом детективе Дарьи Донцовой / О. А. Димитриева // Межэтническое взаимодействие в поликультурном образовательном пространстве : проблемы языкового

взаимодействия и межкультурной коммуникации : сборник научных статей. — Чебоксары : Чуваш. гос. пед. ун-т, 2018б. — С. 37—43.

5. *Димитриева О. А.* «Поэтика пьянства» в массовой литературе (на примере иронического детектива Дарьи Донцовой) / О. А. Димитриева // Научный диалог. — 2018в. — № 11. — С. 22—36. — DOI: 10.24224/2227-1295-2018-11-22-36.

6. *Димитриева О. А.* Концептуализация ситуации *винопития* в детективных романах Бориса Акунина (серия «Приключения Эраста Фандорина») / О. А. Димитриева // Русский язык в поликультурном мире : сборник научных статей III Международного симпозиума : в 2 т. — Симферополь : АРИАЛ, 2019. — Т. 2. — С. 256—262.

7. *Зыховская Н. Л.* Ольфакторная составляющая концепта «вино» в русской прозаической традиции / Н. Л. Зыховская // Челябинский гуманитарий. — 2015. — № 2. — С. 61—69.

8. *Зыховская Н. Л.* Ольфакторий русской прозы XIX века : диссертация ... доктора филологических наук : 10.01.01 / Н. Л. Зыховская. — Екатеринбург, 2016. — 518 с.

9. *Кондратьева О. Н.* Динамика метафорических моделей в русской лингвокультуре (XI—XX вв.) : диссертация ... доктора филологических наук : 10.02.01 / О. Н. Кондратьева. — Кемерово, 2014. — 404 с.

10. *Левонтина И. Б.* Лексика начала и конца трапезы в русском языке / И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев // Логический анализ языка. Семантика начала и конца / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. — Москва : Индрик, 2002. — С. 573—583.

11. *Лихачев Д. С.* Концептосфера русского языка / Д. С. Лихачев // Очерки по философии художественного творчества / РАН, Ин-т рус. лит. — Санкт-Петербург : БЛИЦ, 1999. — С. 147—165.

12. *Ломакина О. В.* Вербализация концепта «грех» фразеологическими средствами в языке Л. Н. Толстого / О. В. Ломакина // Научное наследие В. А. Богородицкого и современный вектор исследований Казанской лингвистической школы : труды и материалы Международной конференции : в 2 т. — Казань : Казанский университет, 2018. — Т. 2. — С. 130—134.

13. *Маханова Г. Е.* Лингвистические средства объективации концепта «скука» в системе русского языка (на материале текстов А. П. Чехова) : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / Г. Е. Маханова. — Брянск, 2016. — 226 с.

14. *Мясников В.* Историческая беллетристика : спрос и предложение [Электронный ресурс] / В. Мясников // Новый мир. — 2002. — № 4. — Режим доступа : www.nm1925.ru.

15. *Огнева Е. А.* Когнитивное моделирование концептосферы художественного текста / Е. А. Огнева. — Москва : Эдитус, 2013. — 282 с.

16. *Попова З. Д.* Когнитивная лингвистика : учебное издание / З. Д. Попова, И. А. Стернин. — Москва : АСТ : Восток-Запад, 2007. — 226 с.

17. *Ружицкий И. В.* Языковая личность Ф. М. Достоевского : лексикографическое представление : диссертация ... доктора филологических наук : 10.02.19 / И. В. Ружицкий. — Москва, 2015. — 647 с.

18. *Химик В. В.* Поэтика низкого, или просторечие как культурный феномен / В. В. Химик. — Санкт-Петербург : Филологический факультет СПбГУ, 2000. — 272 с.

19. *Черняк М. А.* Феномен массовой литературы XX века / М. А. Черняк. — Санкт-Петербург : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2005. — 308 с.

20. *Volkova N.* Литературная стратегия рубежа XX—XXI веков : вариант Б. Акунина : Disertační práce : Filologie, Slovanské literatury / N. Volkova. — Praha, 2007. — 234 s.

ARTISTIC INTERPRETATION OF THE CONCEPT OF WINE DRINKING IN A SERIES OF DETECTIVE NOVELS BY BORIS AKUNIN “THE ADVENTURES OF ERAST FANDORIN”

© **Olga A. Dimitrieva (2019)**, orcid.org/0000-0003-2734-640X, PhD in Philology, senior research scientist, Research Institute of Ethno-pedagogy named after Academician of the Russian Academy of Education G. N. Volkov, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Chuvash I. Yakovlev State Pedagogical University” (Cheboksary, Russia), olgaal_79@mail.ru.

The features of the concept representation of wine drinking in the artistic version of Boris Akunin are considered on the example of a series of detective stories “The Adventures of Erast Fandorin”. The work is a continuation of the author’s research in the field of artistic interpretation of Bacchic discourse by various writers. The connection between the creation of a bacchic artistic image and the type of culture (soteriological and eudaimonic) is noted. Among the artistic features of Akunin’s work is a description of the crimes that were committed with “grace and taste”. The author of the article claims that this feature affects the choice of means of creating a bacchic picture of the world in the work. It is noted that the introduction of elements of the wine drinking situation is used by Akunin as a means of reconstructing the background “picture” that performs a descriptive function, and as a plot-modeling component. In the Akunin model of a city street of the XIX century, the “classical” composition of the characters includes not only “a janitor”, “a tradeswoman”, “a cabman”, etc., but also a “drunken cornball”. A “character model” is described, including a set of his characteristics, which can be called a “card index” of his weaknesses and habits. Among the elements of this “card index” the presence of a tendency to wine drinking, which is a character’s vulnerability, is noted. The character traits include such features as appearance (face, eyes, weight), olfactory characteristics (smell as a marker of social status or national identity), speech (voice, its timbre, register and manners), wine variety as a business card of the hero, his weaknesses and habits.

Key words: B. Akunin; mass literature; conceptualization; categorization; bacchic discourse; drinking culture; national character; mentality; Russian language picture of the world.

MATERIAL RESOURCES

- Azazel — Akunin, B. (2017). *Azazel*. Moskva: Zakharov. (In Russ.).
- Almaznaya kolesnitsa — Akunin, B. (2017). *Almaznaya kolesnitsa*. Moskva: Zakharov. (In Russ.).
- Dostoevskiy, F. M. (1993). *Prestupleniye i nakazaniye*. Moskva: Slavyanka. (In Russ.).
- Koronatsiya — Akunin, B. (2017). *Koronatsiya, ili posledniy iz romanov*. Moskva: Zakharov. (In Russ.).
- Leskov, N. S. (1958). Polunoshchniki. In: Leskov, N. S. *Sobraniye sochineniy: v 11 tomakh*. Moskva: Gosudarstvennoye izdatelstvo khudozhestvennoy literatury. 9: 117—217. (In Russ.).
- Leviafan — Akunin, B. (2015). *«Leviafan»*. Moskva: Zakharov. (In Russ.).
- Lyubovnitsa smerti — Akunin, B. (2015). *Lyubovnitsa smerti*. Moskva: Zakharov. (In Russ.).
- Nefritovyye chetki — Akunin, B. (2017). *Nefritovyye chetki*. Moskva: Zakharov. (In Russ.).
- Osobyie porucheniya — Akunin, B. (2018). *Osobyie porucheniya*. Moskva: Zakharov. (In Russ.).
- Pevlev, V. (2014). *Lyubov' k trem tsukerbrinam*. Available at: <https://e-libra.ru/read/546578-lyubov-k-trem-cukerbrinam.html>. (In Russ.).

- SIRYa — Evgenyeva, A. P. (ed.) (1999). *Slovar' russkogo yazyka: v 4-kh t.* Moskva: Russkiy yazyk; Poligrafresursy. (In Russ.).
- Smert' Akhillesa — Akunin, B. (2014). *Smert' Akhillesa.* Moskva: Zakharov. (In Russ.).
- Statskiy sovetnik — Akunin, B. (2012). *Statskiy sovetnik.* Moskva: Zakharov. (In Russ.).
- Turetskiy gambit — Akunin, B. (2018). *Turetskiy gambit.* Moskva: Zakharov. (In Russ.).

REFERENCES

- Boychenko, A. G. (2009). Pitiye. In: Karasika, V. I., Sternina I. A. (eds.) *Antologiya kontseptov*, 7. Volgograd: Paradigma. 223—234. (In Russ.).
- Chernyak, M. A. (2005). *Fenomen massovoy literatury XX veka.* Sankt-Peterburg: Izd-vo RGPU im. A. I. Gertsena. (In Russ.).
- Dimitrieva, O. A. (2018a). Kategorizatsiya i kontseptualizatsiya situatsii vinopitiya v ironicheskom detektive Daryi Dontsovoy. In: *Mezhetnicheskoye vzaimodeystviye v polikulturnom obrazovatelnom prostranstve: problemy yazykovogo vzaimodeystviya i mezhkulturnoy kommunikatsii: sbornik nauchnykh statey.* Cheboksary: Chuvash. gos. ped. un-t. 37—43. (In Russ.).
- Dimitrieva, O. A. (2018b). Kontsept vinopitiye v khudozhestvennoy proze F. M. Dostoyevskogo. In: *Fortunatovskkiye chteniya v Karelii: sbornik dokladov Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii: v 2 ch., 2.* Petrozavodsk: PetrGU. 18—20. (In Russ.).
- Dimitrieva, O. A. (2018v). “Poetics of Drunkenness” in Popular Literature (on Example of Ironic Detective by Darya Dontsova). *Nauchnyi dialog*, 11: 22—36. DOI: 10.24224/2227-1295-2018-11-22-36. (In Russ.).
- Dimitrieva, O. A. (2019). Kontseptualizatsiya situatsii vinopitiya v detektivnykh romanakh Borisa Akunina (seriya «Prikluycheniya Erasta Fandorina»). In: *Russkiy yazyk v polikulturnom mire: sbornik nauchnykh statey III Mezhdunarodnogo simpoziuma: v 2 t., 2.* Simferopol': ARIAL. 256—262. (In Russ.).
- Glushkova, T. S. (2009). Vinopitiye. In: Karasika, V. I., Sternina I. A. (eds.) *Antologiya kontseptov*, 7. Volgograd: Paradigma. 234—244. (In Russ.).
- Khimik, V. V. (2000). *Poetika nizkogo, ili prostorechiye kak kulturnyy fenomen.* Sankt-Peterburg: Filologicheskiy fakultet SPbGU. (In Russ.).
- Kondratyeva, O. N. (2014). *Dinamika metaforicheskikh modeley v russkoy lingvokulture (XI—XX vv.): dissertatsiya ... doktora filologicheskikh nauk.* Kemerovo. (In Russ.).
- Levontina, I. B., Shmelev, A. D. (2002). Leksika nachala i kontsa trapezy v russkom yazyke. In: Arutyunova, N. D. (ed.) *Logicheskii analiz yazyka. Semantika nachala i kontsa.* Moskva: Indrik. 573—583. (In Russ.).
- Likhachev, D. S. (1999). Kontseptosfera russkogo yazyka. In: *Ocherki po filosofii khudozhestvennogo tvorchestva.* Sankt-Peterburg: BLITS. 147—165. (In Russ.).
- Lomakina, O. V. (2018). Verbalizatsiya kontsepta «grekh» frazeologicheskimi sredstvami v yazyke L. N. Tolstogo. In: *Nauchnoye naslediyе V. A. Bogoroditskogo i sovremennyy vektor issledovaniy Kazanskoй lingvisticheskoy shkoly: trudy i materialy Mezhdunarodnoy konferentsii: v 2 t., 2.* Kazan': Kazanskiy universitet. 130—134. (In Russ.).
- Makhanova, G. E. (2016). *Lingvisticheskiye sredstva obyektivatsii kontsepta «skuka» v sisteme russkogo yazyka (na materiale tekstov A. P. Chekhova): dissertatsiya ... kandidata filologicheskikh nauk.* Bryansk. (In Russ.).

- Myasnikov, V. (2002). Istoricheskaya belletristika: spros i predlozheniye. *Novyy mir*, 4. Available at: www.nm1925.ru. (In Russ.).
- Ogneva, E. A. (2013). *Kognitivnoye modelirovaniye kontseptosfery khudozhestvennogo teksta*. Moskva: Editus. (In Russ.).
- Popova, Z. D., Sternin, I. A. (2007). *Kognitivnaya lingvistika: uchebnoye izdaniye*. Moskva: AST: Vostok-Zapad. (In Russ.).
- Ruzhitskiy, I. V. (2015). *Yazykovaya lichnost' F. M. Dostoyevskogo: leksikograficheskoye predstavleniye: dissertatsiya ... doktora filologicheskikh nauk*. Moskva. (In Russ.).
- Volkova, N. (2007). *Literaturnaya strategiya rubezha XX—XXI vekov: variant B. Akunina: Disertační práce: Filologie, Slovanské literatury*. Praga. (In Russ.).
- Zykhovskaya, N. L. (2015). Olfaktornaya sostavlyayushchaya kontseptu «vino» v russkoy prozaicheskoy traditsii. *Chelyabinskij gumanitariy*, 2: 61—69. (In Russ.).
- Zykhovskaya, N. L. (2016). *Olfaktoriy russkoy prozy XIX veka: dissertatsiya ... doktora filologicheskikh nauk*. Ekaterinburg. (In Russ.).